В. А. ЗАПАДОВ

БЫЛ ЛИ РАДИЩЕВ АВТОРОМ «БЕСЕДЫ О ТОМ, ЧТО ЕСТЬ СЫН ОТЕЧЕСТВА»?

Вопрос этот возник передо мной совершенно неожиданно, в процессе подготовки сборника сочинений Радищева для издательства «Художественная литература». Поскольку перед этим более двадцати лет я занимался побуквенной сверкой многочисленных списков с текстом «Путешествия», при переводе старой орфографии и пунктуации «Беседы о том, что есть сын Отечества» на современную мне буквально резануло глаз явное несоответствие языка и стиля «Беседы» другим радищевским сочинениям. К этому прибавилось большое количество сомнений «содержательного» порядка.

Вполне естественно поэтому встал вопрос о том, на каких основаниях «Беседа» включена в состав сочинений Радищева, насколько серьезно это произведение атрибутировано именно ему. Картина вырисовалась более чем занимательная. Чтобы она стала нагляднее, небесполезно вкратце воспроизвести общеизвестные факты.

В 1908 г. в журнале «Минувшие годы», а затем отдельным изданием была напечатана работа П. Е. Щеголева «Из истории журнальной деятельности А. Н. Радищева (1789)». Здесь впервые в научной литературе «Беседа» была приписана Радищеву и полностью воспроизведен ее текст из декабрьского номера журнала «Беседующий гражданин» 1789 г., где произведение опубликовано анонимно. Основанием для атрибуции Щеголеву послужил фрагмент из «Записок Сергея Алексеевича Тучкова за 1768—1808 гг.», напечатанных в прибавлениях к «Русскому вестнику» за 1906 г., а затем вышедших отдельным изданием[1].

---

[1] См.: Записки Сергея Алексеевича Тучкова. СПб., 1908. С. 42.

© В. А. Западов, 1993

Это краткое сообщение С. А. Тучкова легло в основу обстоятельной статьи В. П. Семенникова «Литературно-общественный круг Радищева». Отталкиваясь от указания на принадлежность Радищеву «Беседы», ученый сделал попытку обосновать радищевское авторство относительно и других материалов «Беседующего гражданина». По его мнению, Радищеву принадлежит «Рассуждение о том, в чем состоит разум любомудрия», предположительно — «Рассуждение о связи естественного права с правом гражданским», а также «Рассуждение о человеке и его способностях», которое «гораздо ближе к индивидуальным взглядам Радищева».[2]

Высказанная «в весьма осторожной форме» гипотеза Семенникова о принадлежности трех «рассуждений» Радищеву была решительно отвергнута Г. А. Гуковским, и они не попали даже в раздел «Произведения, приписываемые Радищеву» академического собрания его сочинений.[3] «Беседу» же Г. А. Гуковский ввел в основной корпус этого собрания с такой «атрибуцией» в примечаниях: «Авторство Радищева устанавливается на основании показаний в записках С. А. Тучкова... Справедливо считая показания Тучкова вполне достаточными, П. Е. Щеголев ограничился тем, что отметил соответствие статьи „атмосфере радищевской мысли и радищевского стиля", не вступая в специальный разбор содержания литературной манеры статьи. Впрочем, никаких возражений против приписания Радищеву этой статьи не последовало. Показание Тучкова настолько точно и авторитетно, что оно исчерпывает вопрос; поэтому нет необходимости останавливаться на дополнительных аргументах, напр. стилистических...»[4]

Суждения Г. А. Гуковского проблему, однако, не исчерпали. В 1950 г. последовала новая и более решительная, чем у В. П. Семенникова, попытка расширить степень участия Радищева в «Беседующем гражданине». По утверждению Ю. М. Лотмана, на страницах журнала Радищев опубликовал не одно, а три сочинения, напечатанные последовательно в октябре, ноябре и декабре 1789 г.: «Рассуждение о человеке и его способностях», «Рассуждение о труде и праздности», «Беседа о том, что есть сын Отечества». В этом цикле «через голову петербургских эпигонов философии московских мартинистов Радищев... дал бой идейным вдохновителям, и, прежде всего, своему другу и „сочувственнику" Алексею Михайловичу Кутузову».

---

[2] См.: *Семенников В. П.* Литературно-общественный круг Радищева. // А. Н. Радищев: Мат. и исслед. М.; Л., 1936. С. 224—263.

[3] См.: *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., М.; Л., 1941. Т. 2. С. 428—429.

[4] *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. 1938. Т. 1. С. 469—470.

Атрибутирует авторство цикла Ю. М. Лотман так: «Прямое и точное указание С. А. Тучкова сделало давно уже бесспорной принадлежность Радищеву последней из них (т. е. «Беседы». — *В. З.*). То, что все три последовательно помещенные статьи составляют органическое единство, разбивая основные положения кутузовской философии, и отсутствие в журнале каких-либо близких к ним в философском и политическом отношении статей наводит на мысль о принадлежности их перу одного автора, а сила и последовательность революционной мысли делает вероятным предположение, что автором этим был Радищев».[5] К этой лаконичной атрибуции в последующем изложении Ю. М. Лотман добавляет немногие (достаточно внешние и отрывочные) сопоставления с другими сочинениями Радищева, особенно «Беседой» и описанием Тобольского наместничества. Последний аргумент, впрочем, «работает» скорее против утверждения Ю. М. Лотмана, ибо подлинным автором этого описания был Сергей Янов, Радищеву же принадлежит лишь перевод труда Янова с французского (притом — очень точный).[6]

В следующем, 1951 г. П. Н. Берков свел воедино мнения своих предшественников по рассматриваемому вопросу и однозначно заключил: «Доводы как Семенникова, так и Лотмана не имеют убедительности, и поэтому вопрос об авторе перечисленных статей в „Беседующем гражданине" должен считаться открытым». Одновременно П. Н. Берков отрицательно отозвался о неопубликованной диссертации Р. А. Закруткина 1949 г.,[7] в которой автор приписал Радищеву, помимо упоминавшихся уже «Рассуждения о том, в чем состоит разум любомудрия» и «Рассуждения о человеке и его способностях» еще четыре статьи: «Придорожная гостиница, или Нечаянная беседа», предисловие к «Завещанию уездного дворянина», «Беседа между уклоняющимся от служения отечеству и причисленным к нему» и «Начертание воспитанию благоучрежденного юноши». П. Н. Берков скептически заметил: «Доказательства т. Закруткина строятся по аналогии с аргументацией В. П. Семенникова, разделяя с последними степень убедительности». Впрочем, предположение об авторстве Радищева в отношении «программной статьи» «Придорожная гостиница» П. Н. Берков поддержал, отметив,

---

[5] *Лотман Ю. М.* Из истории литературно-общественной борьбы 80-х годов XVIII века: А. Н. Радищев и А. М. Кутузов // Радищев: Ст. и мат. Л., 1950. С. 101—102.

[6] См.: *Старцев А. И.* Университетские годы Радищева. М., 1956. С. 180—184.

[7] См.: *Закруткин Р. А.* Из истории русской журналистики конца XVIII века. («Беседующий гражданин»): Автореф. дис.... канд. филол. наук. Л., 1949. См. также вышедшую позднее статью: *Закруткин Р. А.* Из истории русской журналистики XVIII века. // Учен. зап. Калининградского пед. ин-та. 1955. Вып. 1. С. 3—17.

«удивительную близость „Придорожной гостиницы“ к „Беседе“ Радищева — как со стороны содержания, так и языка».[8] Не отказался ученый от этой атрибуции и позднее.[9]

Доводы В. П. Семенникова и Ю. М. Лотмана отверг как «недостаточные» и Д. С. Бабкин (не упоминающий, впрочем, о П. Н. Беркове и Р. А. Закруткине).[10]

По-видимому, та же причина — недостаточность аргументации — привела к тому, что ни одна из вновь атрибутированных Радищеву статей не попала в изредка выходившие сборники его произведений (Избранные сочинения / Под ред. Г. П. Макогоненко. М., 1952; Избранные философские и общественно-политические произведения / Под ред. И. Я. Щипанова. М., 1952; Избранное / Под ред. А. П. Валагина. М., 1988). Зато «Беседа» включена во все эти издания — с такими же краткими ссылками на записки С. А. Тучкова, введена в хрестоматию по русской литературе XVIII в. А. В. Кокорева (М., 1952; 4-е. изд.: М., 1965) и т. д.

При этом стоит заметить, что оценки «Беседы» в работах литературоведов не вполне однозначны. Для большинства исследователей это произведение свидетельствует о «силе и последовательности революционной мысли» (Ю. М. Лотман); оно «является наиболее сильным литературно-политическим выступлением Радищева до издания его „Путешествия“» (Л. Б. Светлов)[11]; «принадлежит к числу лучших образцов русской публицистики XVIII в., образует вершину ее» (П. Н. Берков)[12] и т. д.

Однако отдельные исследователи (Л. И. Кулакова,[13] Г. П. Макогоненко[14]) обратили внимание на некоторые «оговорки» «Беседы», не характерные для Радищева, но объяснили их цензурным вмешательством или автоцензурой. Определенные сомнения в свое время возникли и у меня, и потому «Беседа» не была включена в хрестоматию «Русская литература последней четверти XVIII века» (М., 1985), однако в биографических заметках я, следуя прочной традиции, назвал «Беседу» среди других произведений Радищева.

---

[8] *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 365—374.

[9] См.: *Берков П. Н.* Некоторые спорные вопросы современного изучения жизни и творчества А. Н. Радищева // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4. С. 191.

[10] См.: *Бабкин Д. С.* А. Н. Радищев: Литературно-общественная деятельность. М.; Л., 1966. С. 145—146.

[11] См. его примеч. в кн.: *Радищев А. Н.* Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952. С. 642.

[12] *Берков П. Н.* История русской журналистики... С. 372.

[13] См.: *Кулакова Л. И.* Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968. С. 271.

[14] См.: *Макогоненко Г. П.* Радищев и его время. М., 1956. С. 357.

Теперь можно подвести предварительные итоги краткого рассмотрения истории вопроса. Первый итог заключается в том, что все исследователи, приписывавшие Радищеву самые разные материалы из «Беседующего гражданина», исходили из большей или меньшей близости этих материалов к «Беседе о том, что есть сын Отечества», не сомневаясь в безусловной принадлежности «Беседы» Радищеву.

Второй итог состоит в том, что, по-разному интерпретируя «Беседу», все исследователи исходили из презумпции авторства Радищева.

Третий итог заключается в том, что атрибуцией самой «Беседы» всерьез никто никогда не занимался. Это не может не показаться несколько странным — хотя бы на фоне того факта, что в абсолютно аналогичном случае указание Павла Радищева на принадлежность его отцу «Отрывка путешествия в *** И*** Т***» вызывало бурную полемику, в которой на протяжении более чем ста лет участвовали десятки исследователей. В случае же с «Беседой» литературоведы, словно загипнотизированные, разными словами излагали одно и то же: «Показание Тучкова настолько точно и авторитетно, что оно исчерпывает вопрос» (Г. А. Гуковский); «Прямое и точное указание С. А. Тучкова сделало давно уже бесспорной принадлежность Радищеву »Беседы» (Ю. М. Лотман); «...благодаря свидетельству С. А. Тучкова, сомнения в авторстве Радищева у нас нет» (П. Н. Берков) и т. д.

Но действительно ли «точно и авторитетно» «прямое указание» Тучкова? Чтобы ответить на этот вопрос, целесообразно начать с рассмотрения тех фактов, которые сообщаются Тучковым о «Путешествии», т. е. со второй части его «показания».

По словам Тучкова, книга была издана Радищевым «без цензуры». На самом деле петербургский обер-полицеймейстер Н. И. Рылеев подписал к печати как само «Путешествие», так и отдельно — «Слово о Ломоносове». Соответствующая цензурная надпись («С дозволения Управы благочиния») помещена в самом издании.

По словам Тучкова, Радищев напечатал «небольшую книгу». На самом деле «Путешествие» представляет собой том объемом почти в 30 печатных листов (точно — 29).

По словам Тучкова, Радищев издал книгу под названием «Езда из Петербурга в Москву». На самом деле вышла из печати под заглавием «Путешествие из Петербурга в Москву».

По словам Тучкова, книга «заключала в себе оду на вольность, написанную... стихами». На самом деле сплошного текста оды в книге нет, стихи чередуются с прозаическим изложением.

Наконец, приводимые Тучковым строки из «Вольности» содержат в себе ошибки по сравнению с печатным текстом как в орфографии, так и в пунктуации.

Из всего этого следует, что в части, касающейся «Путешествия», «показание» Тучкова отнюдь не «точно и авторитетно», а, наоборот, во всех пунктах либо ошибочно, либо неточно. Совершенно очевидно, что печатного «Путешествия» Тучков не только не читал, но даже не держал в руках. Судя по характеристике содержания книги и по качеству цитат из «Вольности», он знаком был с одним из списков оды, ходивших по рукам,[15] либо некогда видел какой-то из многочисленных списков «Путешествия». Кстати, не исключено, что и на ошибку в названии книги повлиял определенный рукописный источник. Я имею в виду широко распространенную эпиграмму, облыжно приписанную Державину: «*Езда* твоя в Москву со истиною сходна...»

Соответствует реальности лишь один факт: книга действительно была напечатана «в собственной типографии» автора. Но это обстоятельство, равно как и следующие сообщаемые Тучковым сведения о дальнейшей судьбе писателя («Полиция скоро открыла сочинителя оной... Радищев...сослан был наконец в Сибирь»), были хорошо известны и широко обсуждались в обществе летом и осенью 1790 г.[16]

Таким образом, анализ второй части «показания» Тучкова, которая может быть проверена с помощью доподлинно установленных материалов о литературной деятельности Радищева, свидетельствует не в пользу осведомленности мемуариста и «точности» сообщаемых им сведений.

Первая часть «показания» Тучкова содержит в себе три пункта. Первый — это известие об участии Радищева в Обществе друзей словесных наук. Второй — указание на авторство «Беседы о том, что есть сын Отечества». Третий — сообщение о поездке Радищева к цензору с целью получения разрешения на весь декабрьский номер «Беседующего гражданина». Эти три «факта» известны только со слов Тучкова и потому не поддаются прямой проверке с помощью иных документов, однако могут быть сопоставлены с достаточно серьезными косвенными материалами.

Прежде всего, весьма сомнителен «факт» обращения Радищева в цензуру. Свою литературную деятельность Радищев старательно

---

[15] К сходному выводу пришел и А. Г. Татаринцев См.: *Татаринцев А. Г.* Сын Отечества: Об изучении жизни и творчества А. Н. Радищева. М., 1981. С. 88.

[16] См., например: *Западов В. А.* Державин и Радищев // Изв. АН СССР. / Сер. лит. и яз. 1965. Вып. 6. С. 530—537; *Татаринцев А. Г.* Сын Отечества. С. 79—96; и др.

конспирировал. Хорошо известно, что отвозил рукопись «Путешествия» в Управу благочиния и добывал цензурное разрешение у оберполицеймейстера книгопродавец Мейснер, причем он сумел скрыть имя автора книги и в 1788 г., когда представил рукопись в полицию, и в 1790 г., когда началось следствие после выхода «Путешествия» в свет.[17] В конце 1789 г. Мейснер перешел на службу досмотрщиком в таможню и был одним из помощников Радищева при издании «Путешествия». Но во второй половине 1788 г. Мейснер то ли снимал книжную лавку, то ли служил приказчиком у Шнора, и именно у Мейснера принималась подписка на журнал «Беседующий гражданин». Одновременно в течение некоторого времени он исполнял обязанности казначея, т. е. «книгохранителя», Общества друзей словесных наук. Поэтому трудно понять, зачем в конце 1789 г. Радищеву понадобилось афишировать в Управе благочиния свои литературные занятия ради в общем-то весьма чуждого ему издания Общества, если в самом Обществе имелся столь опытный в обращении с полицейской цензурой человек, как Иоганн Карл фон Мейснер.

Об участии Радищева в Обществе друзей словесных наук известно только из воспоминаний Тучкова. Но какова была степень этого участия и что представляло собой данное Общество? Этим вопросам наибольшее внимание уделили В. П. Семенников и Д. С. Бабкин, но пришли к различным выводам.

«Руководящее ядро, которое положило начало „Обществу друзей“,— писал В. П. Семенников,— составляют бывшие студенты Московского университета, перебравшиеся после его окончания для службы в Петербург... Выйдя из атмосферы московского масонского круга, эти люди обычно навсегда оставались в плену тех мистических настроений, которые в этом кругу культивировались. Кроме бывших московских студентов входили в Общество и некоторые другие чиновники, занимавшиеся или интересовавшиеся литературой. Другую часть членов Общества составляли флотские офицеры...

Радищев в „Обществе друзей словесных наук“,— утверждал далее В. П. Семенников,— был, конечно, не единомышленником, а непримиримым противником руководящей группы членов — мистически настроенных учеников московских масонов. По всем основным пунктам мировоззрения расходился Радищев как с самими масонскими учителями, так, конечно, и с их учениками».[18] Точку зрения В. П. Семенникова решительно поддержал Ю. М. Лотман,

---

[17] *Бабкин Д. С.* Процесс А. Н. Радищева. М.; Л., 1952. С. 167—168.

[18] *Семенников В. П.* Литературно-общественный круг Радищева. С. 237, 247—248.

который, как уже упоминалось, утверждал, что в цикле опубликованных в «Беседующем гражданине» статей Радищев «через голову петербургских эпигонов философии московских мартинистов... дал бой их идейным вдохновителям».

Диаметрально противоположную точку зрения попытался обосновать Д. С. Бабкин. По его утверждению, члены Общества стояли «на идейных позициях Радищева», Радищев же был «идейным вдохновителем журнала» «Беседующий гражданин»; домовая типография Радищева (где напечатаны «Письмо к другу» и «Путешествие») была предназначена для того, чтобы «создать собственную издательскую базу» Общества; главы «Путешествия» предварительно читались членами Общества и обсуждались на его собраниях, и сама книга была издана с одобрения Общества друзей словесных наук; вообще Радищев «прилагал большие усилия для того, чтобы Общество стало на путь пропаганды революционных идей, и Общество пошло по этому пути»и т. д. и т. п. Что же касается влияния масонов на Общество, то Д. С. Бабкин это влияние отрицает потому, что «в уставе Общества друзей словесных наук нет никаких следов религиозного, мистического мышления, свойственного масонам».[19]

Однако сам же Д. С. Бабкин обнаружил и опубликовал некоторые документы Общества, в том числе устав, в коем абсолютно четко сформулировано положение, гласящее, что Общество друзей словесных наук составляет «часть нераздельную» московского Общества университетских питомцев. Между тем, как известно, созданное в 1781 г. под руководством видного мистика И. Е. Шварца и Н. И. Новикова Собрание университетских питомцев представляло собой нечто вроде одного из легальных филиалов организации московских мартинистов. Председателем этого Собрания был тот же самый М. И. Антоновский, который после переезда с группой соратников по московскому Собранию в Петербург в 1784 г. создал здесь и возглавил Общество друзей словесных наук. Так что прямая идейно-организационная зависимость от московских масонов петербургского Общества просто-напросто зафиксирована в его уставе.

Что же касается концепций, провозглашающих руководящую роль в Обществе Радищева и т. п., то несмотря на привлекательность столь «прогрессивных» истолкований, приходится констатировать, что все это всего-навсего плоды фантазии Д. С. Бабкина. В обнаруженных им документах Общества имени Радищева просто нет, и по-прежнему единственным свидетельством участия автора «Путешествия» в Обществе остается цитированное «показание» Тучкова.

---

[19] *Бабкин* Д. С. А. Н. Радищев. С. 146, 147, 142—143, 139.

При таком полном отсутствии данных об участии Радищева в Обществе стоит вспомнить некоторые факты его биографии. А они, во-первых, свидетельствуют о том, что Радищев на какое-то (иногда большее, иногда меньшее) время вступал в то или иное общество, клуб и т. д. Не все документы сохранились, а часть их пока не выявлена, но и то, что известно, говорит о стремлении писателя познакомиться с возможно большим числом различных общественных организаций, понять их суть. Так, он присутствовал на нескольких собраниях ложи «Урания», был членом демократического, купеческого по преимуществу (особ чином выше бригадира сюда не принимали) Английского клуба (собрания), Музыкального клуба (общества), Думы ордена св. Владимира. Поэтому сообщение Тучкова в принципе правдоподобно: в течение какого-то времени Радищев, очевидно, посещал собрания Общества друзей словесных наук.

Во-вторых, биографические данные Радищева говорят о том, что вряд ли писатель принимал активное участие в Обществе, особенно в 1789 г. Много времени отнимала служба. Будучи советником таможенных дел Петербургской казенной палаты, Радищев фактически руководил петербургской и подчиненной ей кронштадтской таможнями, занимался многими другими делами палаты. Как свидетельствуют документы, Радищев проводил на службе ежедневно шесть часов (обычно являлся в 9 часов утра и уходил в 3 часа дня). Управляющий таможней Г. Ю. Даль был стар и болен. Осенью же 1789 г. он получил разрешение уехать на родину «для поправления здоровья» и 3 октября того же года умер в Риге.[20] По этой причине руководство таможенными делами полностью легло на Радищева.

В том же году выходит из печати «Житие Федора Васильевича Ушакова». Летом Радищев занялся устройством домовой типографии, купив в долг у Шнора типографский станок и литеры. На вторую половину года падает интенсивнейшая работа над текстом «Путешествия»: если в 1787—1788 гг. писатель создал начальную и цензурную редакции книги, то на вторую половину 1789—первые месяцы 1790 г. приходится не менее семи редакций произведения (сводная и шесть наборных).

Кроме того, ко второй половине года резко меняется отношение Радищева к масонам (о причинах этого пойдет речь дальше). Именно в это время он создает новый текст главы «Подберезье». В образе семинариста — центрального персонажа этой главы — писатель соединил взгляды своего давнего сослуживца и знакомого Ф. В. Кречетова с чертами молодых масонов, которых он наблюдал в Обществе друзей словесных наук. С большим сочувствием воспро-

---

[20] См.: *Старцев А. И.* Радищев в годы «Путешествия». М., 1960. С. 58, 63.

изведя в первой части главы критические высказывания персонажа по поводу официального образования (где использованы доводы именно Кречетова), во второй части «Подберезья» Радищев убийственно-саркастически высмеял религиозные «бредоумствования» масонов.

Итак, соотнесение «показания» Тучкова с реальной биографией и литературной деятельностью Радищева приводит к заключению: писатель, по-видимому, бывал в Обществе друзей словесных наук (где-то в 1786—1788 гг.) и присутствовал на некоторых его собраниях. Однако участие его в Обществе в 1789 г., и особенно в последние месяцы (т. е. тогда, когда он якобы читал «Беседу» и ездил в полицию), более чем сомнительно из-за чрезвычайной перегруженности по службе в первую половину дня и сверхинтенсивной литературной работы — во вторую.

Таким образом, проверка почти всех пунктов «показания» Тучкова продемонстрировала либо их ошибочность, либо сомнительность. Остается последний (и главный) пункт «показания»: Радищев — автор «Беседы о том, что есть сын Отечества». Этот пункт не поддается проверке с помощью дополнительных материалов. Единственно возможный путь установления истины в данном случае — всесторонний анализ текста самой «Беседы» в сопоставлении с достоверно принадлежащими перу Радищева сочинениями.[21]

Первое, что обращает на себя внимание в «Беседе» сравнительно с одновременно печатающимся «Путешествием»,— иная графика, в частности, более обильное употребление прописных букв, например: «...любви к Наукам и Художествам... упражнению в Истории и Философии или Любомудрии...рассматривание Живописи великих Художников, Музыки, Изваяния, Архитектуры или Зодчества» (Соч., I, 222—223) — «...он любит науки и художества», «поощряет земледелие и рукоделие» (Печ., 66); «Нас учат философии, проходим мы логику, метафизику, ифику, богословию» (Печ., 89). «... Верховная его награда состоит в Добродетели» (Соч., I, 222) — «Понеже добродетель, есть вершина деяний человеческих...» (Печ., 183) и мн. др.

Запятая перед «есть» в последнем примере выводит нас к одной из характерных особенностей радищевской интерпункции — постановке запятой между группами подлежащего и сказуемого. Вот лишь некоторые примеры из «Путешествия»: «Вся сила правления, заключалася в посадниках и тысяцких. Народ в собрании своем на

---

[21] В дальнейшем ссылки на текст «Беседы» и произведения Радищева вводятся в текст с сокращенными обозначениями. «Соч.» означает: *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1938—1952. Т. 1—3; «Печ.» — принятое в радищевской текстологии обозначение издания «Путешествия из Петербурга в Москву». СПб., 1790.

вече, был истинный государь» (Печ., 100); «...сей гордый, зверский, но умный властитель, хотел разорить ее до основания» (Печ., 101); «Приятность вечера после жаркого летнего дня, выгнала меня из моей кельи» (Печ., 419); «но доколе слово Российское, ударять будет слух...» (Печ., 420) и т. п. Реже, но сходную пунктуацию находим в «Письме к другу, жительствующему в Тобольске»: «Пушечная пальба... и троекратной беглый огонь, возвещали отсутственным явление образа... Стоявшие в строю полки, ударили поход...» (Соч., I, 149). В «Беседе» в аналогичных конструкциях запятой нет: «Истинный человек есть истинный исполнитель... Благородная и чуждая пустосвятства и лицемерия скромность сопровождает все чувствования...» (Соч., I, 221).

П. Н. Берков отметил, что «в „Беседующем гражданине" имелась любопытная тенденция к изгнанию иностранных слов или, по крайней мере, к пояснению их (в скобках) русскими: например духи (спирты...), буеверие (фанатизм...) ...дееописание (история...), отечестволюбец (патриот...)... происшествие (анекдот...) и т. д.[22]

Правда, по необъяснимой случайности П. Н. Берков охарактеризовал тенденцию прямо противоположным образом тому, что действительно имеется в журнале, как видно из им же приведенных примеров: на самом деле, наоборот, русские слова поясняются (в скобках) иностранными. Та же тенденция обнаруживается в «Беседе»: «сын Отечества (патриот)» (Соч., I, 215); «смертный сон (летаргия)» (Соч.,I, 216); «смесь нестройная (хаос)» (Соч., I, 219). У Радищева имеется внешне похожий, но иной случай, когда к русскому слову, в правильности применения которого автор был явно не уверен, он дал французский термин: «... электр души ...стремится, подобно жидкостям, к равновесию (niveau) и уравненности» («О человеке...», Соч., II, 129). Подобные «справочные» пояснения были в первых редакциях «Путешествия»: «подорожная есть оберегательное письмо (salvoguardia)» («София»); «...и яко чувственница (sensitive) увядать станет» («Крестьцы»),— однако Радищев снял эти «пояснения в скобках» на очень ранних стадиях работы над текстом — в цензурной и сводной редакциях (ср. Печ., 4 и 190). Кстати, одновременно Радищев убрал многочисленные подстрочные библиографические ссылки в «Кратком повествовании о происхождении цензуры» (в некоторых случаях ссылок в рукописях не было, но для них оставлено место, в тексте же сделан знак сноски). Как можно заметить, случаи попыток «пояснения в скобках» у Радищева встречаются исключительно редко, имеют иной ха-

---

[22] *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. С. 377.

рактер и другое (латинскими буквами) оформление, нежели в «Беседующем гражданине» вообще, и в «Беседе» в частности.

Первые две группы фактов (орфография и пунктуация), как бы выразительны они ни были, нельзя принимать в расчет в качестве серьезных аргументов в вопросе об авторстве (или неавторстве) Радищева — как и вообще любого другого деятеля данной эпохи. Дело в том, что различия в орфографии и пунктуации отражают не столько индивидуальную манеру автора, сколько навыки наборщиков и корректора той типографии, в которой печаталось то или иное произведение писателя. Скажем, орфография и пунктуация «Жития Федора Васильевича Ушакова», которое издано типографией Вейтбрехта, значительно отличаются от «Путешествия» и «Письма к другу», вышедших из домовой типографии Радищева.[23] Поэтому не удивительно, что от того и другого достаточно сильно отличаются аналогичные элементы в «исполнении» типографии Гека, где печатались последние части «Беседующего гражданина».

По этой причине в дальнейшем тексте нет необходимости воспроизводить старую орфографию и пунктуацию, а можно в разумных пределах «осовременить» их.

Сложнее обстоит дело с иностранными словами в скобках, но и этот момент (отсутствующий в сочинениях «подлинного» Радищева) можно при большом желании объяснить посторонним вмешательством, редакционной правкой.

Более серьезны языковые аргументы, касающиеся синтаксиса и стилистики «Беседы». Заранее приходится извиняться за длинную цитату, но без нее менее нагляден будет вывод. Итак, вот одна только фраза из начала «Беседы», даже из начала первого абзаца:

«Но здесь не касается рассуждение о тех злосчастнейших, коих коварство или насилие лишило сего величественного преимущества человека, кои соделаны чрез то такими, что без принуждения и страха ничего уже из таких чувствований не производят, кои, уподоблены тяглому скоту, не делают выше определенной работы, от которой им освободиться нельзя; кои уподоблены лошади, осужденной на всю жизнь возить телегу, и не имеющие надежды освободиться от своего ига, получая равные с лошадью воздаяния и претерпевая равные удары; не о тех, кои не видят конца своему игу, кроме смерти, где кончатся их труды и их мучения, хотя и случается иногда, что жестокая печаль, объяв дух их размышлением, возжигает слабый свет их разума и заставляет их проклинать бедственное свое состояние и искать оному конца; не о тех здесь речь, кои

---

[23] Подробнее об этом см. в моей статье о текстологических принципах издания в кн.: *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб., 1992. С. 631—634.

не чувствуют другого, кроме своего унижения, кои ползают и движутся во смертном сне (летаргия), кои походят на человека одним токмо видом, в прочем обременены тяжестию своих оков, лишены всех благ, исключены из всего наследия человеков, угнетены, унижены, презренны; кои не что иное, как мертвые тела, погребенные одно против другого; работают необходимое для человека из страха; им ничего, кроме смерти, не желательно, и коим наималейшее желание заказано, и самые маловажные предприятия казнятся; им позволено только расти, потом умирать; о коих не спрашивается, что они достойного человечества сделали? какие похвальные дела, следы прошедшей их жизни оставили? какое добро, какую пользу принесло Государству сие великое число рук?» (Соч., I, 215—216).

Громадная фраза эта, построенная по правилам семинарского красноречия и гимназической риторики, вполне грамотна и весьма достойна добросовестного ученика семинарии и московской университетской гимназии (как известно, выходцы из этих и подобных учебных заведений М. Антоновский, К. Лубьянович, С. Бобров, М. Доброгорский, П. Икосов и др. составляли костяк как Общества друзей словесных наук, так и соответственно «Беседующего гражданина»). Самая большая по объему, это отнюдь не единственная фраза данного типа в «Беседе» (хотя другие и поменьше). Но дело в том, что подобных фраз, да еще в такой концентрации, у Радищева просто нет — ни в «Житии Ушакова», ни в «Путешествии», ни даже в философском трактате «О человеке».

Простых предложений в «Беседе» мало; даже сравнительно небольшие фразы усложняются различными придаточными предложениями, причастными оборотами и т. п. Примечательно, однако, что при обилии причастий в «Беседе» совершенно отсутствуют характерные для Радищева усеченные, краткие причастия типа «седящ» (например, в «Письме к другу»: «седящ на коне борзом» (Соч., I, 148); «имеющ главу, лаврами увенчанную» (Соч., I, 149); в «Путешествии»: «конец хвоста в зеве держаща» (Печ., 62); «трепещущ нисходит в отверстие» (Печ., 431) и т. д.).

К этому надо добавить, что язык и стиль «Беседы» абсолютно лишены индивидуального «я» и личностного начала, столь характерных для любого произведения Радищева. Собственно говоря, названные свойства относятся не столько к языку и стилю, сколько к специфике художественно-публицистического мышления, образной манере писателя. В этой связи возникает следующий факт.

После приведенной выше тирады о крепостных, которые «не человеки», следует восклицание: «Человек, человек потребен для ношения имени сына Отечества!» — и далее: «Но где он? где сей украшенный достойно сим величественным именем? — Не в

объятиях ли неги и любострастия? — Не объятый ли пламенем гордости, любоначалия, насилия? — Не зарытый ли в скверноприбыточничестве, зависти, зловожделении, вражде и раздоре со всеми даже и теми, кои одинаково с ним чувствует и к одному и тому же устремляются? — или не погрязший ли в тину лени, обжорства и пиянства?» (Заметим попутно, что Радищев предпочитал писать «пьяница» (Печ., 46), «пьянствовать» (Печ., 223), «пьяницы» (234) и т. п.). После данного «краткого» перечня типов следуют развернутые характеристики тех же четырех «порочных» (вертопраха-щеголя, гордеца-насильника, корыстолюбца-скупца, ленивца-обжоры),— «ибо пятого сложения толь же отдельно редко найдем», зато «смесь сих четырех везде видна» (Соч., I, 216—217).

В этих зарисовках Д. Д. Благой совершенно справедливо увидел «старых знакомцев»: это «традиционные персонажи сатирической литературы XVIII века, от сатир Кантемира до сатиры Новикова и Крылова»,— но в персонажах, воспроизведенных в «Беседе», исследователь каким-то образом обнаружил «прямые политические обличения крепостничества и самодержавия».[24] Согласившись в этом с Д. Д. Благим, П. Н. Берков пошел еще дальше: в характеристике гордеца-насильника он усмотрел ни больше ни меньше, как «портрет Екатерины».[25] Не вдаваясь в полемику по данному поводу (хотя опровергнуть это утверждение достаточно легко), зададимся вопросом: в какой степени сам подобный прием свойствен Радищеву?

Действительно, сатирическая галерея «порочных», в коей каждый персонаж является воплощением определенного порока,— один из самых распространенных приемов литературы русского классицизма, ведущий свою родословную от двух галерей «невежд» в «Сатире первой» Кантемира через сатирические журналы Новикова и «Сатиру I» Капниста к произведениям Крылова и журналам Страхова.

У Радищева этот прием встречается лишь один раз — в «Отрывке путешествия в *** И*** Т***», в начале второй части его, да и то в редуцированном виде, без развернутых характеристик «порочных». Впрочем, как известно, существует гипотеза, что окончание «Отрывка» было приписано к радищевскому тексту Новиковым.[26] Однако, на мой взгляд, не было бы ничего удивительного и в том, если бы концовка «Отрывка» принадлежала самому Радищеву. Ведь это произведение — первое оригинальное сочинение молодого

---

[24] *Благой Д. Д.* Александр Радищев: 1749—1949. М., 1949. С. 25.

[25] *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. С. 371.

[26] Это предположение подробно обосновано П. Н. Берковым в кн.: Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951. С. 562—563.

писателя, и потому вполне естественно его обращение к опыту предшественников. Более существенно другое — полное отсутствие у Радищева подобной «галереи порочных» впоследствии. Хотя, надо сказать, своего рода сатирическое собрание персонажей в «Путешествии» есть. Я имею в виду блистательную галерею членов семейства Карпа Дементьича в главе «Новгород», причем необходимо подчеркнуть важнейшее обстоятельство: этот эпизод создавался и вводился в «Путешествие» во второй половине 1789 г., т. е. именно тогда, когда была написана и «Беседа о том, что есть сын Отечества». В обеих «галереях» — по четыре «портрета». Сопоставим любые из них, хотя бы последние.

«Беседа»: «Или не тот ли, сидящий за исполненным произведениями всех четырех стихий столом, коего услаждению вкуса и брюха жертвуют несколько человек, отъятых от служения Отечеству, дабы по пресыщении мог он быть перевален в постель и там бы спокойно уже заниматься потреблением других произведений, какие он вздумает, пока сон отнимет у него силу двигать челюстьми своими?» (Соч., I, 217).

«Путешествие»: «Парасковья Денисовна, ево новобрачная супруга, бела и румяна. Зубы как уголь. Брови в нитку, чернее сажи. В компании сидит, потупя глаза, но во весь день от окошка не отходит и пялит глаза на всякого мужчину. Под вечерок стоит у калитки. — Глаз один подбит. Подарок ее любезнова муженька для первого дни,— а у кого догадка есть, тот знает, за что» (Печ., 108–109).

Совершенно очевидно, что во втором случае мы имеем дело с результатом принципиально иного художественного мышления. В «Беседе» перед читателем — вполне традиционный персонаж классицистической сатиры; в «Путешествии» — индивидуально-типизированный характер, один из первых в русской прозе реалистических портретов. А так как образ (метод) художественного мышления писатель вряд ли может мгновенно менять, как перчатки (ведь оба «портрета» созданы практически в одно время), то закономерен вывод: процитированные тексты принадлежат перу разных авторов.

От отдельных, частных, так сказать, «мелких» элементов образного строя обратимся к более крупным явлениям, свойственным радищевскому художественно-публицистическому мышлению. Для Радищева как мыслителя и писателя весьма характерно то, что можно назвать варьированием, повторением определенной идеи и автоцитированием. Сразу следует оговорить, что речь идет отнюдь не о прямом автоцитировании такого типа, как, скажем, у Лермон-

това, когда строки, строфы и целые цепочки строф переходят из одного произведения в другое. У Радищева это явление выглядит иначе: во-первых (условно говоря, на «макроуровне»), как неоднократное обращение писателя к одной теме, мысли, идее, но разработанной в иной форме, чем прежде; во-вторых (на «микроуровне»), как воспроизведение мысли, темы, образа, оборота несколько иными словами, в другом «оформлении».

Вот некоторые приемы переклички произведений на «макроуровне». Примечание о самодержавстве к переводу «Размышлений о греческой истории» Мабли легло в основу концепции «Вольности». Содержание «Отрывка путешествия...» в преобразованном виде отразилось в главах «Любани» и «Пешки» «Путешествия из Петербурга в Москву». Рассуждения о величии исторического деятеля из «Письма к другу...» перекликаются с «Хотиловом», переживания героя «Дневника одной недели» развивают намеченное в «Выезде» и «Софии». Глава «Тверь», с одной стороны, заключает в себе зерно замысла «Памятника дактилохореическому витязю», а с другой — предсказывает будущую ломку поэтики, стиховой формы произведений Радищева-поэта.

Даже столь далекое, казалось бы на первый взгляд от «Путешествия» сочинение, как трактат «О человеке...», является реализацией замысла, сформулированного в «Крестьцах». Объясняя детям принципы их воспитания, отец — крестицкий дворянин — напоминает им: «Во младенчестве и отрочестве не отягощал я рассудка вашего готовыми размышлениями или мыслями чуждыми... Когда же я узрел, что вы в суждениях ваших вождаетесь рассудком, то предложил вам связь понятий, ведущих к познанию бога... Предложил я вам тогда и о законе откровенном, не сокрывая от вас все то, что в опровержение оного сказано многими...» (Печ., 171—172). Именно так построен философский трактат, адресованный детям самого Радищева: в двух первых его книгах идея бессмертия опровергается и отвергается, в двух последних — развивается и утверждается,— причем, как заметил еще А. С. Пушкин, Радищев «охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого атеизма».

Теперь приведу несколько примеров вариативности автоцитат, выбранных из «Жития Ушакова» и «Путешествия» — произведений, одно из которых по времени выхода в свет предвосхищает «Беседу о том, что есть сын Отечества», а другое следует за ней.

«Да и самая печаль, грусть и отчаяние скользили, так сказать, на юном сердце, не проницая начальную его твердость» (Соч., I, 155) — «...все пороки юности... скользят по поверхности сердца, его не уязвляя» (Печ., 188—189).

«Положим, что Государь... пристрастен не бывает николи; но если бы возможно было ему, хотя одному, быть беспристрастному в своем государстве...» (Соч., I, 157) — «Я размышлял, каким бы образом могло сие происшествие достинуть до слуха верховныя власти. Ибо справедливо думал, что в самодержавном правлении она одна в отношении других может быть беспристрастна» (Печ., 58—59).

«...если он возможет чужд быть родству, приязни, дружбе, любви...» (Соч., I, 157) — «Он лести чужд, лицеприятства... Родства не знает, ни приязни» (Печ., 359)

«Доказательства для сего не нужны» (Соч., I, 157) — «Доказательства сему, кажется, не нужны» (Печ., 304).

«Имея власть в руке своей» (Соч., I, 166) — «Что власть в руке своей имея» (Печ., 366).

«...забыл гофмейстер наш умеренность и, подобно правителям народов, возмнил, что ...власть, ему данная над нами, и определенные деньги не на нашу были пользу, но на его» (Соч., I, 166) — «Преступник власти, мною данной... Забыв, что я избрал тебя Себе в утеху быть венчанну, Возмнил, что ты господь, не я» (Печ., 363—364).

«Но провидение бдело над нами... и для того щит его носится всегда над неопытностию...» (Соч., I, 171) — «Опытность моя, носяся над вами, яко новый Егид...» (Печ., 175).

«Сие упорное прилежание к учению... Упорным своим к учению прилежанием...» (Соч., I, 177) — «Упорное прилежание в учении языков...» (Печ., 426).

«Наиболее всего привлекала его в Латинском языке сила выражений. Исполненные духа вольности, сии властители Царей упругость своея души изъявили в своем речении... Если бы смерть тебя не восхитила... ты... прилепился бы к языку сих гордых островян» (т. е. к английскому языку — Соч., I, 179) — «Англинской язык, а потом Латинской старался я вам известнее сделать других. Ибо упругость духа вольности, переходя в изображение речи, приучит и разум к твердым понятиям» (Печ., 173).

Число примеров разной степени текстуальной близости можно намного увеличить, но, думается, уже понятно, что имеется в виду под вариативностью мыслей и автоцитированием в произведениях Радищева. Если с этой точки зрения посмотреть на «Беседу», то ни совпадений на «макроуровне», ни вариативности на «микроуровне» с произведениями Радищева в этом сочинении не обнаруживается.

Повернем эту проблему несколько иначе и взглянем на нее с другой стороны. Поставим вопрос так: в какой мере положения, высказанные в «Беседе о том, что есть сын Отечества», соответству-

ют мыслям, содержащимся в доподлинно принадлежащих Радищеву сочинениях, прежде всего в «Путешествии из Петербурга в Москву», которое сосредоточило в себе основополагающие идеи Радищева — мыслителя и писателя.

Если вновь обратиться к процитированной выше громадной фразе из начала статьи, но теперь уже не со стороны языка и стиля, а со стороны содержания, то мы увидим, что здесь последовательно нагнетается мысль о том, что крепостной крестьянин не является человеком в полном смысле слова. Вот опорные пункты развития этой идеи:

«Но здесь не касается рассуждение о тех злосчастнейших, коих коварство или насилие лишило сего величественного преимущества человека... кои уподоблены тяглому скоту... кои уподоблены лошади... кои походят на человека одним только видом... исключены из всего наследия человеков... о коих не спрашивается, что они достойного человечества сделали?...» И после всего данного рассуждения следует решительный вывод: «Не о них (т. е. крепостных крестьянах. — *В. З.*) здесь слово... они не человеки, когда суть не что иное, как движимые мучителем машины, мертвые трупы, тяглый скот! — Человек, человек потребен для ношения имени сына отечества!» (Соч., I, 216—217).

Итак, при всем сочувствии автора «Беседы» к крепостным,— «они не человеки». А что думал по этому поводу Александр Радищев, автор «Путешествия»?

Глава «Зайцово»: «Человек родится в мир равен во всем другому... Следственно, человек без отношения к обществу есть существо, ни от кого не зависящее в своих деяниях. Но он кладет оным преграду, согласуется не во всем своей единой повиноваться воле, становится послушен велениям себе подобного, словом, становится гражданином... Гражданин, становяся гражданином, не перестает быть человеком... Гражданин, в каком бы состоянии небо родиться ему ни судило, есть и пребудет всегда человек; а доколе он человек, право природы, яко обильный источник благ, в нем не иссякнет никогда; и тот, кто дерзнет его уязвить в его природной и ненарушимой собственности, тот есть преступник» (Печ., 143—146).

Глава «Хотилов»: «... Неужели толико чужды будем ощущению человечества... и оставим в глазах наших на всегдашнюю нам укоризну, на поношение дальнейшего потомства треть целую общников наших, сограждан нам равных, братий возлюбленных в естестве, в тяжких узах рабства и неволи? Зверской обычай порабощать себе подобного человека... простерся на лице земли быстротечно, широко и далеко... Земледельцы и доднесь между нами рабы; мы в

них не познаем сограждан нам равных, забыли в них человека. О возлюбленные наши сограждане! о истинные сыны отечества! воззрите окрест вас и познайте заблуждение ваше... Но если служители божества представили взорам вашим неправоту порабощения в отношении человека, за долг наш вменяем мы показать вам вред оной в обществе и неправильность оного в отношении гражданина» (Печ., 238—242).

Глава «Городня»: «Лучше бы мне было возрасти в невежестве, не думав никогда, что есть человек, всем другим равный»,— говорит рекрут-крепостной (Печ., 381) и т. д.

Итак, перед нами две позиции, принципиально отличающиеся одна от другой. Для автора «Беседы» крестьянин в крепостном состоянии — «не человек». Для автора «Путешествия» (и этот взгляд последовательно проведен через всю книгу, число примеров может быть легко увеличено) — «гражданин, в каком бы состоянии небо родиться ему ни судило, есть и пребудет всегда человек». Мог ли автор «Путешествия» — Александр Радищев — стоять одновременно на двух диаметрально противоположных позициях?

Столь же различны точки зрения двух авторов на причины, побуждающие человека к действию, на «пружины» «деяний человеческих».

Для автора «Беседы» причины, порождающие стремления и «деяния человеческие» (и едва ли не одно из главных — «совершенствование самого себя»), таковы: «Поистине не что иное, как врожденное пламенное побуждение к приобретению для себя тех способностей и красоты, посредством которых заслуживается благоволение божие и любовь собратии своей, желание учиниться достойным их благосклонности и покровительства. — Рассматривающий деяния человеческие увидит, что се одна из главнейших пружин всех величайших в свете произведений» (Соч., I, 220).

Для автора «Путешествия» побудительный фактор деяний человеческих — «польза», «собственное благо», «корыстолюбие». Этот фактор определял и создание первых гражданских обществ, и хозяйственную деятельность, и семейные отношения.

«Зайцово»: «Человек родится в мир равен во всем другому... Какие же ради вины обуздывает он свои хотения? почто поставляет над собою власть? почто, беспределен в исполнении своея воли, послушания чертою оную ограничивает? Для своея пользы,— скажет рассудок; для своея пользы,— скажет внутреннее чувствование; для своея пользы,— скажет мудрое законоположение» (Печ., 143).

О том же — «Хотилов» (кстати, пример вариативности внутри одного произведения): «Право гражданское показало вам человеков, променявших беспредельную свободу на мирное оныя употребле-

ние... Но какое было побуждение вступати в общество и полагати произвольные пределы деяниям? Рассудок скажет: собственное благо; сердце скажет: собственное благо; нерастленный закон гражданский скажет: собственное благо» (Печ., 243).

«Вышний Волочок»: «Тут видно было истинное земли изобилие и избытки земледелателя; тут явен был во всем своем блеске мощный побудитель человеческих деяний — корыстолюбие» (Печ., 269).

«Крестьцы»: «Вождаем собственныя корысти побуждением, предприемлемое на вашу пользу имело всегда в виду собственное мое услаждение»,— говорит крестицкий дворянин детям своим. — «Сколь мало обязаны вы мне за рождение, толико же обязаны и за воскормление. Когда я угощаю пришельца, когда питаю птенцов пернатых, когда даю пищу псу, лижущему мою десницу, их ли ради сие делаю? — Отраду, увеселение или пользу в том нахожу мою собственную. С таковым же побуждением производят воскормление детей... Но, скажут, обязаны вы мне за учение и наставление. — Не моей ли я в том искал пользы, да благи будете. Похвалы, воздаваемые доброму вашему поведению, рассудку, знаниям, искусству вашему, распростираяся на вас, отражаются на меня, яко лучи солнечны от зеркала. Хваля вас, меня хвалят» и т. д. (Печ., 160—166).

Снова перед нами две диаметрально противоположные позиции. Убеждения автора «Беседы» несут явственный отпечаток масонской идеологии. Автор «Путешествия» развивает в разных аспектах просветительскую концепцию, концепцию «разумного эгоизма». Как известно, во второй половине 1789 г. Радищев дополнил ранние редакции «Путешествия» направленными против масонов главами — посвящением «А. М. К.» и «Подберезье». Мог ли мыслитель и писатель, оценивший масонскую идеологию, «новейшие таинственные творения» как суеверие, как возврат к временам средневековой схоластики и словопрений, как «пары, в грязи омерзения почившие», которые «уже воздымаются и предопределяются объяти зрения круг», как рыскание «в пространных полях бредоумствований»,— мог ли тот же самый мыслитель и писатель одновременно выступать с пропагандой масонских идей?

Следующая достойная пристального внимания идея заключается в таких фразах: «Доказано уже, что истинный человек и сын Отечества есть одно и то же; следовательно, будет верный отличительный признак его, ежели он таким образом *честолюбив*.

Сим да начинает украшать он величественное наименование сына Отечества, Монархии» (Соч., I, 220).

Итак, для автора «Беседы» понятие «отечество» равнозначно понятию «монархия». О том, что Радищев отнюдь не ставил знак ра-

венства между этими понятиями, думаю, даже и рассуждать не стоит: достаточно прочитать хотя бы оду «Вольность» либо главу «Тверь» «Путешествия». Но тут нельзя не напомнить, что именно в слове «монархия» некоторые исследователи, как было указано выше, усматривали цензурное вмешательство или автоцензуру. П. Н. Берков, также считая, что слова «монархия», «государь» и т. п. вставлены в статью, безусловно, «для отвода глаз», добавлял: «Я полагаю, что в новом академическом издании сочинений Радищева эти маскировочные элементы должны воспроизводиться не в основном тексте „Беседы", а только в комментариях».[27]

Дело, однако, заключается в том, что мировоззрению Радищева противоречат не какие-то отдельные «маскировочные элементы», а принципиальнейшие положения автора «Беседы» — как те, о коих уже говорилось, так и те, о которых пойдет речь дальше.

Что же касается до отождествления «отечества» и «монархии», то эта идея вполне органична для масонского мировоззрения. Как известно, резкий поворот к идеализму, фидеизму и мистицизму и борьба с философией Просвещения обозначились в России во второй половине 1770-х гг. Особенно явственно наблюдается этот процесс в книжной продукции московских мартинистов и в журналах, издававшихся Н. И. Новиковым с 1777 г., в том числе в журнале «Вечерняя заря». И в этой связи нельзя не напомнить, что, по свидетельству М. И. Антоновского в его жизнеописании, именно он был «издателем» (т. е. редактором) как «Вечерней зари», так и «Беседующего гражданина».[28] Философов-просветителей масоны именуют «целым скопищем подлецов, излиявших яд свой на тысящу невинных душ», «извергами природы», «дерзкими врагами человечества» и т. д. Масоны тем яростнее боролись с просветительством, что они усматривали в «вольнодумстве» расшатывание монархической власти, безоговорочного повиновения которой требовали мартинисты. «Нет ничего священнее государя, нет ничего мерзостнее бунтовщика»,— прямо утверждалось в переведенной с французского книге «Аристид, или Истинный патриот». А. М. Кутузов, получив известие об аресте Радищева, писал И. В. Лопухину: «Ты справедливо судишь о моих правилах; я ненавижу возмутительных граждан,— они суть враги отечества и, следовательно, мои».[29]

---

[27] *Берков П. Н.* Истории русской журналистики XVIII века. С. 369.

[28] *Бабкин Д. С.* А. Н. Радищев. С. 169.

[29] Подробнее об этом см.: *Кулакова Л. И., Западов В. А.* А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву»: Комментарий. Л., 1974. С. 35—37, 103—111 и др.

По-видимому, изменение первоначального замысла «Путешествия из Петербурга в Москву» было связано с тем, что мартинисты в конце 1780-х гг. и особенно после начала Французской революции превратили философскую полемику в политическую борьбу с «вольнодумством». Поэтому Радищев снял первую редакцию начала главы «Завидово», содержавшую безобидную насмешку над масонами, и создал в «Подберезье» убийственный памфлет на мартинизм, одновременно подчеркнув в посвящении «А. М. К.» принципиальную разницу своей позиции и масонского мировоззрения.

Таким образом, неприемлемое для Радищева отождествление отечества с монархией было вполне естественным для какого-либо питомца Московской университетской гимназии, одного из соратников редактора «Беседующего гражданина» Антоновского.

Главным пунктом при определении двух важнейших признаков патриота — «благонравия» и «благородства» — является отношение «сына отечества» к законам Российской империи и «властям предержащим».

Автор «Беседы» пишет: «Истинный человек есть истинный исполнитель всех предоставленных для блаженства его законов; он свято повинуется оным... С благоговением подчиняется он всему тому, чего порядок, благоустройство и спасение общее требуют...» Даже самую жизнь свою он «сохраняет... для всемерного соблюдения законов естественных и отечественных; по возможности своей отвращает все, могущее запятнать чистоту и ослабить благонамеренность оных, яко пагубу блаженства, и совершенствование Соотечественников своих. Словом, он *благонравен*! Вот другий верный знак сына Отечества!

Третий же и, кажется, последний отличительнейший знак сына Отечества, когда он *благороден*. Благороден же есть тот, кто... будучи воспламенен истинно мудрым любочестием, все силы и старания свои к тому единственно устремляет, чтобы, повинуясь законам и блюстителям оных, предержащим властям, как всего себя, так и все, что он ни имеет, не почитать иначе, как принадлежащим Отечеству, употреблять оное так, как вверенный ему залог благоволения Соотчичей и Государя своего, который есть Отец Народа...» (Соч., I, 221—222).

Пиетет, с которым относится к «отечественным законам» автор «Беседы», диаметрально противоположен оценке их, данной автором «Путешествия». Начальные главы книги — от «Софии» до «Спасской Полести» — посвящены именно теме закона и беззакония, причем эта тема развивается в двух аспектах. С одной стороны, Радищев рисует картину царящего на всех ступенях общества беззакония как нарушения реальных законов государства. С другой

стороны, существующие законы российские не обеспечивают прав, присущих человеку «от природы» (см.: Соч., III, 12—13): «личной сохранности», «личной вольности», «собственности»,— и даже способствуют отъятию свободы, жизни и собственности. Иначе говоря, с точки зрения естественного права законы Российской империи (те самые «отечественные законы», о всемерном соблюдении коих печется автор «Беседы»), по Радищеву, являются узаконенным беззаконием.[30] Та же отрицательная оценка российских законов неоднократно повторяется и в последующих главах «Путешествия», например в «Зайцове», «Хотилове», «Городне», где дана лапидарная, но емкая формула: «О законы! премудрость ваша часто бывает только в вашем слоге!» (Печ., 386—387). Наконец, Радищев прямо утверждает право «истинного гражданина» не подчиняться ни закону, ни государю: «Но если бы законы, или государь, или бы какая-либо на земли власть подвизала тебя на неправду и нарушение добродетели, пребудь в оной неколебим. Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ниже самой смерти. Пребудь незыблем в душе твоей, яко камень среди бунтующих, но немощных валов» (Печ., 184—185). Именно так ведет себя центральный персонаж главы «Зайцово» Крестьянкин, твердо противостоящий и закону, и наместнику, олицетворяющему на месте особу государя.

Из всего сказанного понятно, что дело вовсе не только в «маскировочных элементах» типа требования повиноваться «предержащим властям» или признания государя «отцом народа». Само отношение к «отечественным законам», полностью определяющее содержание этой части «Беседы», принципиально отличает автора статьи от автора «Путешествия».

Обосновав три основные черты «сына Отечества», автор «Беседы» в заключительной части статьи указывает, что эти качества не могут быть полноценными без надлежащего воспитания и просвещения науками и знаниями, после чего подробно перечисляет моральные свойства, науки и искусства, которые необходимо приобрести «истинному человеку». Сами по себе эти требования и перечень особых сомнений не вызывают, но после них следует завершающий статью абзац, который выглядит так:

«Весьма те ошибутся, которые почтут сие рассуждение тою Платоническою системою общественного воспитания, которой события никогда не увидим, когда в наших глазах род такого точно воспитания, и на сих правилах основанного, введен Богомудрыми Монархами, и просвещенная Европа с изумлением видит успехи оного, восходящие к предположенной цели исполинскими шагами!» (Соч., I, 223).

---

[30] См. подробнее: Там же. С. 64—65 и др.

Даже отвлекаясь от сервильного тона по отношению к «богомудрым монархам», трудно представимого в устах Радищева, нельзя не вспомнить опять-таки о «Путешествии», где в первой части главы «Подберезье» в речах семинариста дается трезвая, резко критичная оценка современного состояния образования и просвещения в России:

«Сколь великой недостаток еще у нас в пособиях просвещения... Почитаю училище наше принадлежащим к прошедшим столетиям ... Чему дивиться: Аристотель и схоластика доныне царствуют в семинариях... Но для чего... не заведут у нас вышних училищ, в которых бы преподавалися науки на языке общественном, на языке российском? Учение всем бы было внятнее; просвещение доходило бы до всех поспешнее, и одним поколением позже за одного латинщика нашлось бы двести человек просвещенных; по крайней мере в каждом суде был бы хотя один член, понимающий, что есть юриспруденция, или законоучение» (Печ., 88—90).

Сопоставление этого фрагмента «Путешествия» (опять-таки напомню, что «Подберезье» создавалось во второй половине 1789 г., фактически одновременно с «Беседой») с заключительным абзацем статьи показывает, что и по данному вопросу оценки автора «Беседы» и автора «Путешествия» различны. Расхождение это вполне объяснимо: то, что могло казаться верхом учености монархически настроенному питомцу университетской гимназии, весьма скептически оценивалось писателем-революционером, человеком европейского энциклопедического образования.

Таким образом, подробный анализ «Беседы» (и здесь я должен принести извинения потенциальному читателю работы за вынужденное обилие цитат, необходимое именно для детального сопоставления статьи «Беседующего гражданина» с сочинениями Радищева) дает основания для окончательного заключения.

«Путешествие» и «Беседа» настолько резко контрастируют между собой, что перу одного человека принадлежать попросту не могут. Но авторство Радищева в отношении «Путешествия» — факт неоспоримый. Отсюда следует единственно возможный вывод: «Беседа о том, что есть сын Отечества» безусловно не является произведением Радищева. Таков ответ на вопрос, поставленный в названии работы.

Как же тогда возникло «показание» (или «указание») Тучкова? Прежде чем ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что мемуарист не относился к числу близких знакомых Радищева (неизвестно даже, были ли они вообще сколь-нибудь знакомы). О всех связанных с Радищевым событиях он знал только по слухам и рассказам,

ибо в момент этих событий он находился на театре военных действий, на флоте, действовавшем против шведов. В Петербург Тучков вернулся лишь осенью 1790 г.

В дальнейшем же, вспоминая о событиях XVIII столетия, делах давно минувших дней, по прошествии многих лет, в XIX веке, С. А. Тучков, по-видимому, впал в типичнейшую и широко распространенную ошибку — атрибуцию по типологии (или аналогии). Явление это хорошо известно в истории литературы. Так, например, стихотворения философского и философско-политического характера в рукописях XVIII—начала XIX в. нередко приписываются Державину: в одном из сборников начала XIX в. против ломоносовских «Утреннего» и «Вечернего размышления о божием величестве», «Оды, выбранной из Иова» написано «Державин»; в другом сборнике конца XVIII в. его именем обозначена ода «Древность» (в сущности, по той же типологии Г. А. Гуковский, отведя авторство Державина, атрибутировал данную оду Радищеву, благодаря чему она попала во второй том академического издания его сочинений); автором же «Древности» в действительности являлся П. А. Словцов. В 1820—1830-х гг. десятки «вольнолюбивых» стихов ходили под именем Пушкина. Подобным же образом на протяжении многих десятилетий после смерти И. С. Баркова вся стихотворная «похабель» записывалась на его имя и составила в конечном итоге громадную «барковиану», к значительной части которой покойный поэт не имел ни малейшего отношения (кстати, совсем недавно К. Ваншенкин с умилением цитировал как принадлежащие все тому же бедному Баркову стихи из небезызвестной поэмы позднейшего времени «Лука Мудищев», хотя многолетняя традиция столь же облыжно связывала это сочинение с именем Пушкина). Вероятно, и Тучков, вспомнив о «Беседе», по поводу которой возникали некие цензурные сомнения, бессознательно связал произведение с именем самого известного ему «возмутительного» автора — Радищева.